

Е.Ф. Фурсова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: mf11@mail.ru*

Идентификационные функции верхней одежды сибирских старообрядцев Забайкалья и Алтая

В статье сделана попытка показать идентификационные функции традиционной одежды, которая всегда играла важную роль в поддержании этнокультурной идентичности народа или его культурных (конфессиональных) подразделений. Показательна в этом отношении история двух групп русских старообрядцев – семейских Забайкалья и «поляков» Алтая, более трех веков следовавших «своей» одежде и связанной с ней системе ценностей. Основными источниками исследования стали полевые материалы автора, музейные собрания как в Сибирском регионе, так и в местах исхода старообрядцев в Европейской России и Беларуси. Этнографические материалы позволили сделать вывод о том, что регламентируемая правительственными указами верхняя или присутственная одежда сыграла значительную роль в становлении этнокультурной идентичности старообрядческих групп.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, идентификация, традиционная одежда, старообрядцы, семейские Забайкалья, «поляки» Алтая.

E.F. Fursova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: mf11@mail.ru*

Identification Functions of the Outer Clothing of the Siberian Old Believers in Transbaikalia and Altai

The article attempts to show the identification functions of traditional folk clothes, which has always played an important role in maintaining the ethnocultural identity of the ethnos or its cultural (confessional) parts. In this respect, the history of two groups of the Russian Old Believers: the Semeiskie in the Trans-Baikal region and the “Poles” in Altai, who have been following their “own” clothing tradition and associated value system for more than three centuries, is of interest. The research is based on field materials of the author, museum collections both in the Siberian region and in the places of the Old Believers’ exodus in European Russia and Belarus. Ethnographic materials made it possible to conclude that the outerwear or uniform regulated by government decrees played a significant role in the formation of the ethno-cultural identity of these Old Believer groups.

Key words: ethnocultural identity, identification, traditional clothing, Old Believers in Transbaikalia, “Poles” of Altai.

Многие исследователи считают, что человек подсознательно стремится к обретению единства с окружающим миром, которое достигается посредством интеграции в культурно-символическое пространство социума [Малыгина, 2011, с. 3–4, 9]. Новые культурные формы, обуславливающие образы идентичности, не просто заменяют старые, но сосуществуют, взаимодействуют, образуют все более сложные, иерархически организованные системы, постепенно усложняя контуры и расширяя границы этнокультурной идентичности.

В истории русского старообрядчества, в течение веков преследуемого правительством и представителями православной церкви за религиозные убеждения, известны периоды наиболее активного препятствования интеграционным процессам, способным повлиять на эту часть русского этноса. Это выражалось, помимо прочего, в насильственном предписании ношения специфических видов одежды. Многочисленные указы Петра I, Екатерины II касались, главным образом, верхней, присутственной одежды и особых знаков на ней. Та-

ким образом, из века в век в ходе межпоколенной преемственности большие по численности группы русского народа были вынуждены демонстрировать свою особую идентичность посредством специфического костюма, бороды и прически. Несмотря на жесткое отторжение со стороны российской элиты, как свидетельствуют многочисленные этнографические, архивные данные и письменные источники, старообрядцы сохранили русское этническое самосознание, идентичность.

Халатообразная конструкция верхней одежды была характерна для русских в XVII в., а в XVIII в. выходили указы, предписывавшие старообрядцам носить такие «зипуны со стоячим клеевым козырем, ферязи и однорядку с лежачим ожерельем...» как дискредитирующие их [Лилев, 1893, с. 127]. Если в отношении внешнего вида зипунов со стоячим воротниками-«козырями» относительно все понятно, то ферязи и однорядки вызывают дискуссию среди исследователей. Термином ферязь могли обозначать одежду свободного или прямого силуэтов с длинными узкими рукавами; ферязь надевали поверх кафтана или под кафтан; здесь могла присутствовать застежка сверху донизу [Кирсанова, 1995, с. 292–294]. Однорядкой называлась по мнению одних исследователей, в частности, М.Г. Рабиновича, просторная мужская и женская одежда с длинными (вариант: откидными) рукавами без воротника, сшитая без подкладки [Кирсанова, 1995, с. 187], по мнению других, например, Г.Г. Громова – со сходящимися спереди лапами без запаха, т.е. в один ряд [1979, с. 207]. Вторая версия нам представляется более убедительной. В середине XVII в. в быт состоятельных крестьян постепенно входили как праздничная одежда, воспринятые от горожан, служилых людей по прибору (стрельцов, пушкарей и пр.) кафтаны из покупного цветного сукна [Там же].

Правительственная регламентация и приверженность старине должны были привести к единообразию внешнего вида старообрядцев по всей стране. Однако, как свидетельствуют этнографические материалы, этого не произошло. В виде пережитков старорусские виды одежды видим только у представителей двух групп старообрядцев – семейских Забайкалья и «поляков» Алтая, которые, впрочем выделялись и многими другими элементами культуры, выполнявшие у них идентификационные функции [Fursova, 2015].

Архивные материалы свидетельствуют об изначально сложном этнокультурном составе указанных групп старообрядцев с территорий, входящих сегодня в Брянскую обл. России и Гомельскую обл. Беларуси. Согласно документам РГАДА,

в XVIII в. в этих местах сосредоточились выходцы из северных, центральных и южных губерний Российской империи (Московская, Белгородская (входили земли Орла, Курска, Брянска, Харькова, Чугуева и пр.), Новгородская, Смоленская, Воронежская, Нижегородская, Архангельская, Казанская и пр.) (РГАДА. Ф. 288. Д. 555. Л. 1–5. 1736 г.) [Тарусская, 1975, с. 71]. Впрочем, вопрос заключается также в том, из каких мест старообрядцы прибыли в указанные южнорусские губернии. Например, преобладание сарафанных комплексов указывает на центральные и северные места России как первичные места исхода.

В свете поставленной проблемы приведем описание стеженной на льняной куделе, шерсти или вате одежды под названием «халат», «подхалатик», которые семейские Забайкалья считали своей исконной принадлежностью еще в первой четверти XX в. (ПИМА 1977, 2001, 2010). Халатообразной конструкции, с длинными, ниже кистей рук, рукавами (70–75 см) халаты и более короткие – подхалатики выделялись также яркостью красок используемых полуселковых материалов (голубые, красные, бордовые, вишневые и пр.), которые приобретались на Кяхтинской ярмарке. В качестве примера рассмотрим подхалатик из Музея ИКНСДВ ИАЭТ СО РАН (№ 1327). Стеганный на шерсти халат покрыт бордовой канфой, прошитой в нескольких местах на руках и, видимо позднее, с приобретением швейной машинки, машинными строчками. Конструкция напоминает косоклинный распашной сарафан, хорошо известный по этнографическим материалам XIX в. [Fursova, 2015, p. 121]. Два полотна ткани (шириной 75 см) использованы для передних полотен и одно на спинку; два клина внизу – большой на спине и малый спереди расширяют подол (рис. 1). Плечевые швы в надетом виде смещены на спину, за счет чего спереди швов, практически, не видно.

Во всех просмотренных нами халатах и подхалатиках указанного Музея (№ 320, 661, 639 и пр.) присутствуют сложные фигурные строчки по воротнику-шальке и левой доле – традиция, хорошо известная в XIX в. на европейской прародине в Белгородской, Курской губерниях. Фигурные ручные строчки, видимо, с внедрением в быт швейных машинок, были заменены на машинные. Плетеные и позументные тесьмы, шнурки из крученых шелковых нитей, обвязанных канителью, встречающиеся практически на всех халатах, позволяют считать, что эти виды украшений в быту семейских не были редкостью. В XVII–XVIII вв. они широко применялись российской элитой [Громов, 1979, с. 208]. Халатообразная одежда семейских не подпоясывалась и запахивалась на левую сторо-

Рис. 1. Подхалатик. Музей ИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Сбор Ф.Ф. Болонев, 1978 г.

Рис. 2. Стеженная на шерсти шуба. Суджанский краеведческий музей, Курская обл. Фото Е.Ф. Фурсовой, 2018 г.

ну, если нужно было держать ребенка. С изнанки имелись по две прихватки для того, чтобы держать полы. Женщины могли носить халаты внакидку («на опаш»), полы в этом случае располагались параллельно, что позволяет провести аналогии со старорусской одеждой «опашень». Новосибирская собирательница Т.Н. Апсит, этнограф Ф.Ф. Болонев указывали время изготовления халатов с удлиненными рукавами – вторая половина или конец XIX в. В этнографических коллекциях встречаются халаты и с более короткими рукавами, относительно позднего времени изготовления, сшитые на швейной машинке. На основе вышеизложенного можно сделать заключение, что рассматриваемая верхняя одежда типологически представляет собой косоклинные сарафаны с длинными рукавами, простеженные на шерсти (куделе).

Если обратиться к зимней одежде, то здесь также очевидны связи с старорусской одеждой XVII в. В качестве примера можно сослаться на шубу из коллекции Музея ИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Шуба из козжих шкур, сшита мехом внутрь (№ 350, сбор Т.Н. Апсит 1973 г.) сверху, с лицевой стороны, покрыта полуселковой тканью бордового цвета. Низ рукавов отделан черным козьим мехом и двумя полосками позумента. Ворот и края полок тоже были отделаны мехом, о категории которого судить трудно, так как сохранилась лишь мездра. Аналогичной конструкции шубы с длинными рукавами хранятся в музеях Курской обл. (напр., в Суджанском краеведческом музее), но, в отличие от забайкальских, они стежены на шерсти, а кусочки меха лишь обрамляют ворот, края пол, подол (рис. 2).

Рис. 3. «Полячка» Алтая. Фото А.Е. Новоселова, 1912 г.

Халатообразная одежда из плиса или дешевого бархата были известна и в родственной семейской группе «поляков» Алтая. Сохранилась фотография А.Е. Новоселова 1912 г., где «полячки» изображены в такого рода одежде с длинными, скрывающими руки, рукавами (рис. 3). Подобный орнаментированный халат хранится в собрании РЭМ (№ 5158-36) под названием «подоболочка». Он был приобретен А.Н. Белослюдовым в 1925 г. в д. Быково Верх-Бухтарминской волости, т.е. в тех местностях, население которых имело близкие контакты с «поляками». Однако, если забайкальские старообрядцы шили крытые шелком халаты в начале XX в., то «полячки» отказались от них раньше. Среди семейных реликвий современных потомков старообрядцев и в музеях

России сохранились забайкальские халаты, сведенный же об алтайских почти не осталось.

Регламентируемая для старообрядчества старорусская верхняя одежда XVII в. «зипуны с козырями, фезязи и однорядки» не просто сохранилась в конструктивных, декоративных традициях, способах ношения «халатов» и «шуб» забайкальских и алтайских групп, но стала частью их культурного наследия. В качестве верхней (присутственной) и обрядовой (моленной) одежды халаты были интегрированы в процесс поиска идентичности этих этнокультурных групп, а впоследствии составили ядро культурной памяти. Таким образом, можно зафиксировать наличие некоторых устойчивых закономерностей, чрезвычайно важных для понимания механизмов динамики этнокультурной идентичности: на каждой новой исторической стадии происходила не отмена, а частичная трансформация, адаптация и синтез традиционных и актуальных (приоритетных) идентификационных оснований [Малыгина, 2011, с. 9]. Возврат к халатам, кафтанам в качестве моленных костюмов прослеживается в среде современного старообрядчества не только в России, но и в Беларуси, причем даже более активно, чем это имело место в 1970–1980-х гг., однако конструктивно это уже другая одежда.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00028а.

Список литературы

- Громов Г.Г.** Одежда // Очерки русской культуры XVII века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – С. 202–218.
- Кирсанова Р.М.** Костюм в художественной культуре XVIII – первой половины XX в. – М.: Бол. Рос. энцикл., 1995. – 383 с.
- Лилеев М.И.** Новые материалы для истории раскола на Ветке и Стародубье XVII–XVIII вв. – Киев, 1893. – 278 с.
- Малыгина И.В.** Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире // Проблемы формирования национально-культурной идентичности в современной России. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – С. 3–13.
- Тарусская М.Г.** Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – Ч. 2: Забайкалье. – С. 71–80.
- Фурсова Е.Ф.** Традиционная одежда старообрядцев юга Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX века: опыт историко-этнографического исследования // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 4. – С. 114–126.

References

Fursova E.F. Mapping the traditional dress types of Southwestern Siberian Old Believers (late 1800s – early 1900s). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, iss. 4, pp. 114–126.

Gromov G.G. Odezhda. In *Ocherki russkoj kul'tury XVII veka*. Moscow: Moscow Univ. Press, 1979, pp. 202–218 (in Russ.).

Kirsanova R.M. Kostyum v hudozhestvennoj kul'ture XVIII – pervoj poloviny XX v. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1995, 383 p. (in Russ.).

Lileev M.I. Novye materialy dlya istorii raskola na Vetke i Starodub'e XVII – XVIII vv. Kiev, 1893, 278 p. (in Russ.).

Malygina I.V. Grani i granicy etnokul'turnoj identichnosti v sovremennom mire. In *Problems of the formation of national and cultural identity in modern Russia*. Moscow: Publ. house of the Moscow Humanitarian Univ., 2011, pp. 3–13 (in Russ.).

Tarusskaya M.G. Kollekcija raspisnoj utvari i odezhdy semejskogo naseleniya. In *Life and art of the Russian population of Eastern Siberia*. Vol. 2: Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka, 1975, pp. 71–80 (in Russ.).